

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-164-187

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ

О.В. Гавриленко, канд. социол. наук, зав. кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье предпринимается попытка охарактеризовать проблемное поле научных исследований кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках изучения социальных технологий в управлении современным российским обществом, с акцентом на технологии модернизации российского общества и трансформацию управленческих практик в условиях новых внешних вызовов (прежде всего, связанных с активным внедрением цифровых информационно-коммуникативных технологий).

Современное российское общество развивается в условиях внешних и внутренних вызовов, требующих трансформации управленческих практик и разработки новых социальных технологий. В связи с необходимостью реализации поставленной властью задачи выбора пути дальнейшего пути развития и переосмысления системы духовно-нравственных ценностей, актуализировалась проблема разработки, отбора и применения социальных технологий социокультурной, экономической и политической модернизации российского общества. Рассматривая ретроспективно процесс модернизации России, можно четко видеть “маятниковость” развития — то в сторону заимствования “западного” опыта и проведения реформ по западным образцам, то, наоборот, “возвращение к корням” и осуществление контрреформ. В нынешней геополитической ситуации можно констатировать возникший запрос не только на возвращение к традиционным ценностям, консервативной идеологии, но и к переосмыслению России как “особой цивилизации”.

Серьезные вызовы (социально-демографические изменения, цифровизация, алгоритмизация, роботизация, развитие искусственного интеллекта, машинного обучения, шеринговой экономики и т.п.), с которыми сегодня сталкивается общество и его социальные институты, требуют переосмысления управленческих практик и социальных технологий. Цифровизация социального управления все острее ставит проблемы выявления и анализа социальных последствий внедрения искусственного интеллекта, замены человеческого труда машиной и алгоритмами. Говоря об изменении характера управленческой деятельности в условиях цифровизации общества, мы видим всё большее проникновение технологий искусственного интеллекта в сферу управления

* Гавриленко Ольга Владимировна, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

и развитие алгоритмического управления. Алгоритмы сегодня используются в государственном управлении, в сфере социального обслуживания и предоставления социальных услуг населению, в сфере образования, здравоохранения. Автоматизация и автоматизация алгоритмических решений ставит серьезный вопрос о снижении роли человеческого фактора в управлении, что вызывает тревогу, особенно в сферах, которые традиционно выстраивались вокруг человека. Кроме того, машины не просто изучают человека, они пытаются подтолкнуть его к принятию определенных решений, к заданной поведенческой реакции на тот или иной стимул, открывают новые возможности для осуществления манипулирования. При активном внедрении цифровых технологий во все сферы общественной жизни и в систему управления возникают опасения тотального цифрового контроля. По мере того, как цифровые платформы получают все большую инструментальную власть и доступ к личным данным, растет и сопротивление пользователей цифровых платформ в связи с отсутствием контроля за “судьбой” предоставляемых данных. Все это может привести к росту социальной напряженности, что нельзя не учитывать при реализации управленческих практик и выборе современных социальных технологий управления обществом.

Ключевые слова: экономическая, политическая, социокультурная модернизация общества; социальные технологии; управленческие практики; “эффект колес”; духовно-нравственные ценности; цифровизация общества.

SOCIAL TECHNOLOGIES IN MANAGEMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Gavrilenko Olga. V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Social Technologies department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

The article attempts to characterize the problem field of scientific research of the Department of Social Technologies of the Sociological Faculty of Moscow State University as part of the study of social technologies in the management of modern Russian society, with an emphasis on the technology of modernization of the Russian society and transformation of management practices in the context of new external challenges (primarily related to the active introduction of digital information and communication technologies).

Modern Russian society is developing in the context of external and internal challenges requiring the transformation of management practices and the development of new social technologies. In connection with the need to implement the task set by the authorities of choosing a way of further development and rethinking the system of spiritual and moral values, the problem of the development, selection and application of social technologies of socio-cultural, economic and political modernization of Russian society has been actualized. Looking retrospectively at the process of modernization of Russia, one can clearly see the “pendulum” of development — in the direction of borrowing “Western” experience and implementing reforms by western standards or, on the contrary, “return to the roots” and implementing counter-reforms.

In the current geopolitical situation, we can state that there has been a demand not only for a return to traditional values and conservative ideology, but also for a rethinking of Russia as a “distinct civilization”.

Serious challenges (socio-demographic changes, digitalization, algorithmization, robotization, development of artificial intelligence, machine learning, shering economy, etc.) facing society and its social institutions today, require rethinking management practices and social technologies. The digitalization of social management is increasingly challenging the identification and analysis of the social consequences of introducing artificial intelligence, replacing human labor with machine and algorithms. When we talk about changing the nature of management in a digitalized society, we see an increasing penetration of artificial intelligence technologies into the field of management and the development of algorithmic control. Algorithms are now used in public administration, social services and social services, education, health. The autonomy and autonomization of algorithmic solutions raise serious questions about reducing the role of the human factor in management, which is alarming, especially in spheres that have traditionally been built around the human being. In addition, machines do not just study a person, they try to push him to make certain decisions, to a given behavioral response to a given stimulus, open new possibilities for manipulation. With the active introduction of digital technologies in all spheres of public life and in the management system, there are fears of total digital control. As digital platforms gain more instrumental power and access to personal data, so does the resistance of users of digital platforms due to a lack of control over the “fate” of the data provided. All this can lead to an increase in social tensions, which cannot be ignored when implementing management practices and choosing modern social technologies of management of society.

Key words: *economic, political, socio-cultural modernization of society, social technologies, management practices, “gauge effect”, spiritual and moral values, digitalization of society.*

Социальные технологии сегодня, являясь отраслью социологического знания и отдельной областью социальной практики, становятся ключевым инструментом социального управления, осуществляя целенаправленное и эффективное воздействие субъектов управления на социальные институты, организации, процессы их развития. “Социальные технологии выступают связующим звеном между социологической теорией и социальной практикой, обеспечивая более эффективное воздействие субъектов управления (государственных институтов, крупных корпоративных игроков) на управляемый социальный “объект” (те или иные социальные структуры, процессы, организации, практики, социальные группы, и даже сознание людей)”¹. Кафедра социальных технологий была соз-

¹ Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 79..

дана на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013 г. Приоритетным направлением научных исследований кафедры социальных технологий сегодня являются социальные технологии в управлении обществом. Сотрудники кафедры (профессор А.Ш. Викторов, доценты О.В. Гавриленко, О.Г. Зубова, В.В. Зырянов, Н.В. Карпова, И.В. Третьякова) ведут свою научную деятельность в рамках следующих основных тем приоритетного направления кафедры: “Цифровизация социального управления и социального контроля”, “Социальные технологии социокультурной, экономической и политической модернизации российского общества”, “Социальные технологии трансформации социальных институтов”. В статье предпринимается попытка охарактеризовать проблемное поле научных исследований кафедры социальных технологий в рамках приоритетного научного направления, с акцентом на технологии модернизации российского общества и трансформацию управленческих практик в условиях новых внешних вызовов (прежде всего, связанных с внедрением цифровых информационно-коммуникативных технологий).

Социальные технологии экономической, политической и социокультурной модернизации российского общества

Сегодня в условиях новых внешних и внутренних вызовов и выбора пути дальнейшего развития России чрезвычайно остро стоит проблема разработки, отбора и применения социальных технологий социокультурной, экономической и политической модернизации общества. Модернизационная парадигма сформировалась в середине XX в., в условиях распада европейских колониальных империй и появления “молодых наций” в Азии, Африке, Латинской Америке и др., когда возникла проблема выбора ими путей дальнейшего развития и активно продвигались программы модернизации, навязываемые странами “запада”. Классическая теория модернизации представляет модернизационное развитие как заимствование “передового западного” опыта во всех сферах — политической, экономической, социокультурной — построение общества с господствующими ценностями индивидуализма, рациональности, секулярности. Представители современной теории модернизации (П. Штомпка, В. Цапф, Э. Тирикьян и др.) выступают за отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей, а также за признание собственных оригинальных путей развития на основе своей культуры и национальной идентичности; они настаивают на конструктивной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода.

В 2022 г. российское общество столкнулось с масштабными вызовами, которые заставили серьезно задуматься о векторах дальнейшего развития, о выборе новой идеологии, об особенностях российской цивилизации и о духовно-нравственных ценностях. “В настоящее время на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации нацизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России”². Активно ведутся научные дискуссии об “особом” пути развития России, о необходимости сохранения национальной идентичности и вреде бездумного копирования и заимствования “чужих” практик в политической, экономической, социокультурной сферах, о необходимости возврата к традиционным духовно-нравственным ценностям. Как отмечает профессор А.Ш. Викторов, “особенность характера взаимосвязи идеологии и социальных технологий в России проявляется в двух противоречивых формах: либеральной (направлена на уничтожение основ российской (русской) цивилизации и встраивание в глобальную систему рыночного капитализма) и консервативной (ориентированной на конструирование новой национальной государственности)”³.

При проведении экономических или политических реформ власти часто сталкиваются с тем, что те технологии и подходы, которые доказали свою эффективность в других странах, вдруг оказываются совершенно неэффективны в своей стране. В последнее время все чаще для объяснения этого феномена обращаются к теории “эффекта колеи”, который представляет собой институциональную инерцию, удерживающую страну в определенной траектории. Основным “тормозом” на пути модернизационных изменений становится культура и национальная идентичность, которая задает жесткие границы развития страны. Сегодня становится очевидно, что ценностные и культурные установки способны блокировать любые политические и экономические решения в развитии страны. “Случайный институциональный выбор запускает некоторую траекторию,

² Дорцева Е.В., Родин Н.В. Деструктивное воздействие на современную российскую молодежь (на примере новых субъектов Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 66.

³ Викторов А.Ш. Социальные технологии как идеология элиты в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 130–135.

но чем она удерживается? Норт утверждает, что она удерживается культурой, то есть не формальными институтами, а ценностями, поведенческими установками”⁴.

Рассматривая “эффeкт колеи” и опираясь на таблицы статистика Мэдисона, декан экономического факультета МГУ А. Аузан⁵ в довольно яркой и образной форме говорит о существовании двух космических скоростей и трех групп стран: первая группа стран идет по высокой траектории и стабильно показывает высокие экономические результаты (включает меньше 30 стран); вторая группа столь же стабильно идет по низкой траектории: в нее зачастую входят страны, которые попросту не ставят себе ключевой задачу достижения высоких экономических результатов, а делают упор на другие ценности — семейные, религиозные и т.п. (около 170 стран). Получается, что есть своего рода первая космическая скорость, позволяющая держаться на орбите, но не более того, и вторая космическая скорость, которая позволяет выйти в открытый космос. Но самый большой интерес вызывает третья группа стран, которые все время пытаются перейти из второй группы в первую и никак не могут там закрепиться и завершить модернизацию. Эти страны явным образом демонстрируют попадание “в колею”, Россию часто относят именно к волатильной третьей группе. В XX в. можно отметить пять случаев преодоления этой силы гравитации, когда страна перешла из третьей группы в первую: Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Все пять стран, перешедших на траекторию А (вторая космическая скорость), демонстрируют одну и ту же динамику социокультурных характеристик. Причем она касается как индексов Р. Инглхарта⁶ (переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и рост проявления ценностей самовыражения, а не выживания), так и параметров модели Г. Хофстеде⁷: рост индивидуализма, снижение дистанции власти и усиление высокой долгосрочной ориентации.

Рассматривая ретроспективно процесс модернизации России, можно четко видеть определенную “маятниковость” развития — то в сторону заимствования “западного” опыта и проведения реформ,

⁴ Аузан А. Развитие и “колея” зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 97.

⁵ См.: Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2017.

⁶ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011.

⁷ Официальный сайт Г. Хофстеде. URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения: 28.05.2024).

то, наоборот, “возвращение к корням” и осуществление контрреформ. Даже на последнем коротком историческом периоде — от распада СССР до нынешнего времени — хорошо виден этот “маятник”: сначала резкий крен в сторону либерализации экономики, проведения радикальных политических и экономических реформ, внедрение, иногда достаточно агрессивно, новой “прозападной” системы ценностей и формирование образа “Запада как идеала”, а уже с начала XXI в., наоборот, можно наблюдать “консервативную революцию” (усиление роли государства во всех сферах, консолидацию политической элиты и ее объединение вокруг лидера страны, возвращение к традиционным духовно-нравственным ценностям). “Нужно констатировать, что изначальный институциональный выбор, который имеет под собой обоснование (развитие и закрепление рентоориентированного поведения вследствие большого количества природных ресурсов; становление самодержавия как попытки стабилизации социально-экономических процессов после Смуты), а также последующее его закрепление (мобилизационное развитие как часть внутренней политики Петра I и Сталина, результатом которого стало социальное иждивенчество подавляющей части населения, становление института бюрократии и авторитарная власть, рентоориентированное поведение) привели к тому, что в современной России совокупность экономических, политических и социальных институтов находятся в некоем промежуточном состоянии, формально будучи наделенными свойствами инклюзивности, на практике, однако, являясь экстрактивными. Такая “промежуточность” накладывает определенные ограничения на выбор пути/модели осуществления модернизации”⁸. Экономист С. Маричев, анализируя различные варианты экономической модернизации России — “западный”, “восточный”, мобилизационный, консервативный, “на основе рентоискательства” — приходит к выводу, что наиболее подходящий для России путь — это консервативная модернизация, которая не предполагает изменения политических институтов в сторону развития либерализации и плюрализма. Преобразования направлены именно на экономику и подчинены политическим задачам действующей власти. “Итогом подобных преобразований в идеале является качественное улучшение экономических институтов при сохранении/закреплении за правящей элитой ее привилегий. Такой подход успешно сочетается с исторически сложившимся (в результате реформ Петра I и Сталина) патернализмом

⁸ Маричев С. Проблема реализации социально-экономической модернизации России и “эффект колеи” // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 15.

в российском обществе. Петровская модернизация, закрепившая крепостное право, породила социальное иждивенчество, крайнюю несамостоятельность подавляющей доли населения, а во времена СССР был максимально ужесточен государственный контроль над всеми сферами жизнедеятельности⁹. Таким образом постепенно формировалась система отношений, в которой постоянство власти расценивалось не только как преимущество, но и как необходимое условие развития. Сегодня вариант консервативной модернизации как “модификация” мобилизационного развития видится вполне приемлемым при выборе модели осуществления преобразований экономических институтов.

Политическую модернизацию принято рассматривать как формирование, развитие и распространение современных политических институтов и практик, т.е. тех, которые способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям. Для формирования и развития современных политических институтов и практик часто используются механизмы модернизации через заимствование определенных образцов, причем иногда заимствуется только форма без содержания или изменений функций процесса (например, демократизация существует номинально, без реального развития демократических институтов и процедур). Традиционно под политической модернизацией понимают создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов; усиление роли закона; ослабление роли традиционных элит и т.п. Политическая модернизация часто проходит в условиях конфликта между национальными политическими культурами и “общецивилизационными” ценностями. Это хорошо видно по сопротивлению современной политической элиты России фактически “насильственному и безальтернативному” внедрению пресловутых “западных” духовных ценностей и либеральной идеологии. Говоря о модернизации, надо различать первичную “органическую” модернизацию (характерную для так называемого “модернизационного ядра” — стран Западной Европы и США) и вторичную “догоняющую” модернизацию (Азия, Латинская Америка, Африка, страны бывшего СССР). Первичная модернизация — это процесс эволюционный и постепенный, на основе традиций: когда с начала XIX в. наблюдается медленная трансформация экономики, социальной структуры, культуры, провозглашение равных гражданских прав, построение демократических институтов. При догоняющей модер-

⁹ Там же. С. 19.

низации, которая осуществляется за счет социокультурных контактов “отстающих” стран с модернизационным ядром и сводится больше к имитационным процессам, фиксируется “неравномерная” модернизация (одни элементы созрели, другие — нет), либерализация экономики, поспешная демократизация, принятие помощи развитых демократий (за которую приходится долго расплачиваться). Если выделять особенности политической модернизации в России, то можно отметить этатизм и высокую дистанцию власти как характерные черты российской культуры, в том числе, политической (ведущая роль государства в реформировании общественной системы: патернализм, бюрократия, коллективизм, инертность масс, правовой нигилизм и т.д.). Возможно, именно вышеуказанные черты российской культуры и модели управления до сих пор выступают “противоядием” от реализации таких социальных технологий по смене власти как “цветные” революции, которые успешно реализуются в обществах, где можно наблюдать отказ от консервативной идеологии и традиционных ценностей.

Культура и исторический путь страны во многом определяет специфику её социально-политической системы. Так, доцент Н.В. Карпова считает, что “в научной риторике отечественных исследователей применительно к анализу социально-политических трансформаций в России очень часто используется понятие “социокультурный код”, или “генотип” нации, который формирует основы культурной “почвы”, или программы, предопределяющей исторический путь государства”¹⁰. Догоняющая модернизация исходит из необходимости заимствования западного опыта во всех сферах и трансформации культуры, но часто такая “неестественная” модернизация культуры приводит к архаизации, сопротивлению изменениям культуры. При осуществлении изменений и реформ человек обычно болезненней всего воспринимает именно изменения культуры, системы норм и ценностей. П. Штомпка отмечает, что на смену “дискурсу прогресса” XIX в. (вера в науку, технологии, позитивные общественные изменения) приходит “дискурс травмы” XX в., причем именно культурные травмы воспринимаются наиболее остро, как разрушение привычной картины мира, смена мировоззрения, ценностей, идеалов¹¹. Так, распад СССР запустил процессы дезорганизации, дезориентации, разрушения социальных

¹⁰ Карпова Н.В. Социокультурный анализ социально-политических систем: методологические основы исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 228.

¹¹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

институтов, прежней системы ценностей. Мы можем наблюдать “симптомы” травмы — синдром отсутствия доверия; апатия; ориентация на сегодняшний день; ностальгия; состояние беспокойства; паника и боязнь перемен¹². Согласно модели Г. Хофстеде, россиянам свойственно очень высокое стремление избегания неопределенности (нежелание перемен, ценность стабильности, ожидание инструкций от руководства, перекалывание ответственности на других, нелюбовь к конкуренции внутри компании, круговая порука)¹³.

Рассматривая социальные технологии социокультурной модернизации российского общества, хотелось бы отметить “взгляд со стороны”, так как достаточно сложно выявлять специфику культуры и системы ценностей, находясь внутри культурного поля и формируясь под его влиянием, а взгляд со стороны дает иную оптику, позволяет более рельефно увидеть характерные черты культуры. А.Р. Курбанов, анализируя социокультурное своеобразие в восприятии иностранцев за длительный исторический периода, констатирует, что «в качестве характерных “инаковых” черт российского социума, имеющих инвариантный характер... информанты почти единодушно отмечают особенности политической организации общества, предполагающей автократический характер властной системы, ее вертикальную ориентированность, исключительное значение личности обладателя верховной власти, наделенного максимумом полномочий, и ограничения компетенций представителей нижележащих уровней власти»¹⁴.

Сегодня знаковой и широко обсуждаемой темой в научном и общественном дискурсе в России становится тематика духовно-нравственных ценностей в связи с четко обозначенной линией “сверху” на выбор собственного пути развития, на возврат к национальной самобытности и традиционным ценностям. После распада Советского Союза реформаторы взяли курс на построение общества с господствующими ценностями “запада” — индивидуализм,

¹² Это хорошо иллюстрируют русские пословицы и поговорки: “Лучше синица в руках, чем журавль в небе”, “Человек предполагает, а Бог располагает”, “Хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах” и т.п.

¹³ Официальный сайт Г. Хофстеде. URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения: 28.05.2024).

¹⁴ Курбанов А.Р. Социокультурное своеобразие России в восприятии иностранцев: опыт интерпретации ключевых нарративов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: коллективная научная монография / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023. С. 169.

приоритет частного над общим, толерантность, личный комфорт, рациональность и т.п. Все это сильно противоречило сложившейся за длительный исторический период ориентации на традиционные и религиозные ценности (причем в советское время система ценностей сохранялась, просто приобретая другую идеологическую окраску) — семья, приоритет общего над частным, коллективизм, взаимопомощь, уважение к власти (высокая дистанция власти), патриотизм, милосердие, “соборность” и др. Характеризуя российскую модель управления и деловую культуру, наряду с такими чертами как зависимость бизнеса от власти, правовой нигилизм, патернализм, часто делают акцент на свойственной культуре “двойственности” как в плане развития страны — “маятниковость” развития страны (например, реформы — контрреформы) — так и в системе ценностей (проявление одновременно коллективизма и индивидуализма, сочетание маскулинности и феминности культуры, ориентация на цель и на человека). Но это вряд ли свойственно исключительно России, можно привести примеры и других стран, для которых характерны те же черты. Так, “страны, которые шли по пути “догоняющей” модернизации (азиатские страны, латиноамериканские и др.) не в меньшей степени демонстрировали на разных этапах развития как двойственность модели управления (сочетание централизации с децентрализацией), так и маятниковость” развития (реформы “по западному образцу” и возврат к прежнему состоянию, заимствование западного опыта при сохранении самобытных культурных черт)”¹⁵.

Рассуждая о системе ценностей россиян, нельзя рассматривать эту систему как некий монолит, как нечто, свойственное подавляющему большинству. Система ценностей современных россиян имеет сложную многоуровневую структуру. Можно говорить о продолжающемся процессе кристаллизации ценностей, а также о высоком уровне поляризации современного российского общества, что не позволяет делать выводы о доминирующих в обществе ценностях. Так, эксперты выделяют ряд оснований для такой поляризации системы ценностей: национальность, поколенческие особенности, материальный достаток, территория проживания, образование, профессия¹⁶. В целом же, при анализе ценностной структуры рос-

¹⁵ Гавриленко О.В. Современная российская деловая культура: “особый” путь развития или заимствование “чужих” управленческих практик? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 159.

¹⁶ См.: Михайленко А.В., Устинова О.А., Дударева А.Е. Ценности глазами экспертов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. науч. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023. С. 137.

сиян исследователи чаще всего сегодня выделяют ценность выживания (“ценности выживания для нас остаются очень значимыми, и здесь историческая память дает о себе знать”¹⁷), семьи (поддержки, эмоциональной опоры, традиции), справедливости (“справедливость — это нечто более высокое, чувство какого-то согласования с Божьим промыслом... некоей гармонией жизни... Чтобы поступали по понятиям, это обыденная справедливость: чтобы тебя не обижали незаслуженно, было справедливое отношение, уважение, признание”¹⁸), патриотизма (“сильно развитая ценность — территориальность: это моя территория, мой дом, ты не лезь сюда, я здесь в своем доме сам разберусь”¹⁹), патриархальности, “отцовского” метода управления хозяйством (“это такое стремление к публичной власти, власть должна быть публичной, не должна быть сетевой, распределенной по обществу. Власть должна иметь публичное лицо, которое является источником власти”²⁰).

Специальная военная операция также во многом способствовала поляризации российского общества. Директор ВЦИОМ В. Фадеев говорит о фактическом разделении страны на “четыре России”: “воюющая”, “уехавшая”, “столичная”, “глубинная”. «Вуюющая Россия — не только те, кто воюет в прямом смысле слова, кто мобилизован, служит по контракту или добровольно. Это и те, кто в тылу помогает фронту. Шьет маскировочные сети, трудится на оборонных предприятиях, собирает деньги на коптеры, помогает жителям освобожденных территорий. Те, кто чувствует себя на войне и участвует в ней любыми доступными способами. Россия уехавшая — это новые эмигранты. Здесь и “герои Верхнего Ларса”, бежавшие от мобилизации. И те, кто не принял СВО идеологически и политически, решил бороться против нее, но не внутри страны, что проблематично и небезопасно, а за кордоном. И экономические беженцы — как предприниматели, так и наемные работники глобализированных индустрий... Россия столичная — это не только Москва и Петербург, но и слой людей с высоким уровнем жизни, с высокими квалификациями, ресурсами и положением в обществе. Это и есть, по сути, наш средний класс — главные бенефициары путинского двадцатилетия. Они стараются адаптироваться к изменившимся условиям, а то и использовать новые возможности. Об СВО они обычно стараются не думать и не говорить, ждут, когда

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ Там же. С. 131.

все закончится и станет “как раньше”. Они не воюют, а переживают. Четвертая Россия — “глубинная”, самая массовая. Ее уровень жизни невысок, ее проблемы — это проблемы выживания, по ним наиболее болезненно бьют рост цен, безработица, снижение доходов. Эти люди не политизированы, живут повседневностью и пытаются держаться на плаву, что для них очень непросто. Они же — главные телезрители, интернетом пользуются реже»²¹. При этом, несмотря на такую разнородность, “три России” (все, кроме “уехавшей”) вполне демонстрируют тенденцию к объединению вокруг действующей власти и армии, и поддерживают президента. «Попытки расколоть наше общество по разным линиям были и будут. Они предпринимаются Украиной, США, Великобританией, Польшей и прочими недружественными странами. Но это было и до 24 февраля. Просто все перешло в новую стадию. По каким мишеням стараются бить? Прежде всего — по межнациональным отношениям. Снова твердят, что Россия — это “тюрьма народов”, и что нужно нас разделить на 40 или больше независимых государств. Пока — не эффективно. Налицо сплочение, а не разделение общества в условиях внешнего конфликта. Другая мишень — экономика. Обещали опять разорвать ее в клочья. Тоже не получилось. Держимся, работаем, боремся... Сугубо политическая сфера — еще одна мишень, но пока не приоритетная. Рейтинги президента и его партии только выросли, все парламентские силы поддержали СВО. Антисистемных политиков практически не осталось — “иных уж нет, а те далече”»²². В ситуации серьезных внешних угроз и недружественных действий россиянам всегда было свойственно проявление сплоченности, взаимопомощи, коллективизма, мобилизации и умение “выживать и адаптироваться”, что можно наблюдать и сегодня в ситуации беспрецедентного внешнего давления и санкций.

Управленческие практики в условиях новых вызовов: алгоритмизация управления и внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни общества

Современные вызовы (социо-демографические изменения, цифровизация, алгоритмизация, роботизация, развитие искусственного интеллекта, машинного обучения, виртуальной реальности и т.п.), с которыми сегодня сталкивается общество и его социальные ин-

²¹ Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/sobytie/gendirektor-wciom-valerii-fedorov-v-intervju-rg-o-chetyrekh-rossijakh-i-trendakh-2023-go> (дата обращения: 18.06.2024).

²² Там же.

ституты, требуют переосмысления управленческих практик и социальных технологий. Основным вызовом для управления сегодня становится именно цифровизация, которая проникает во все сферы общественной жизни, приводит к алгоритмизации управленческой деятельности, “власти алгоритмов”, цифровому тотальному контролю. Проблематикой внедрения искусственного интеллекта в разные сферы жизни общества, цифровизации социального контроля, власти “надзорного капитализма” и т.п. на социологическом факультете активно занимаются не только представители кафедры социальных технологий, но также профессора и доценты кафедр современной социологии, экономической социологии и менеджмента²³.

Цифровизация социального управления все острее ставит проблему выявления и анализа социальных последствий внедрения искусственного интеллекта, замены человеческого труда машиной и алгоритмами. В условиях цифровизации современного общества изменяется характер управленческой деятельности, технологии искусственного интеллекта все активнее проникают в сферу управления, развивается алгоритмическое управление. Алгоритмы сегодня используются в сфере государственного управления, социального и банковского обслуживания, для автоматизации производственных процессов, постепенно проникают в сферу здравоохранения и высшего образования. Автономность и автоматизация алгоритмических решений заставляет серьезнее задумываться о снижении роли человеческого фактора в управлении, что вызывает тревогу, особенно в сферах, которые традиционно выстраивались вокруг человека (например, образование или здравоохранение). Машины на основе накопленных данных об индивиде пытаются подтолкнуть его к принятию определенных решений, к заданной поведенческой реакции на тот или иной стимул. Машины задают поведение человека, автоматизируя процессы, все это приводит к появлению нового типа власти — власти “инструментальной”²⁴.

²³ См.: *Осипова Н.Г.* Классическое университетское образование перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2; *Гавриленко О.В.* Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3; *Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В.* Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1; *Лядова А.В.* Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1.

²⁴ *Гавриленко О.В.* Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”... С. 155.

Внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения вызывают серьезные изменения в сфере занятости. Искусственный интеллект и нейросети сегодня вполне могут заменить определенный функционал практически любого сотрудника, в том числе, занятого управленческой деятельностью. Говоря о преимуществах алгоритмизации управленческой деятельности, можно отметить, что управление, основанное на работе с непрерывным потоком данных, как структурированных, так и неструктурированных, позволяет руководителю принимать более обоснованные рациональные решения, осуществлять системный контроль и надзор. Но цифровые информационно-коммуникативные технологии также способствуют появлению возможности для реализации тотального цифрового контроля, что вполне может привести к сопротивлению “объекта” управления и росту социальной напряженности.

Использование алгоритмического управления не только оптимизирует выполнение ряда управленческих функций, но и приводит к сокращению сотрудников, занятых управленческим трудом. Это очень хорошо видно по сфере государственного управления в связи развитием государственных информационных систем (ГИС) и государственных цифровых платформ (ГЦП). Экономически можно это оценивать как положительный тренд, но с позиции гарантий занятости, развития “прекариата” и других социальных последствий это явно “пугающая” тенденция²⁵. Государственные цифровые платформы постепенно приходят на смену более простым государственным информационным системам. “Государственная цифровая платформа — это система формальных и неформальных правил и алгоритмов сетевого взаимодействия пользователей (потребителей), функционирующая на основе открытых и масштабируемых архитектурных стандартов программно-аппаратного обеспечения, необходимого для хранения, анализа и передачи цифровых данных об участниках взаимодействия”²⁶.

Несмотря на общий тренд цифровизации различных сфер (в том числе, социальной), полный отказ от возможности предоставлять услуги в привычных офлайн-форматах грозит дискриминацией некоторых групп населения и ростом цифрового неравенства. В условиях внедрения цифровых технологий уязвимыми оказыва-

²⁵ См.: *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.

²⁶ *Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Сиянтуллина Л.Х.* Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 48.

ются те, кто, наоборот, нуждается в большем внимании со стороны государства — пожилые, люди с физическими ограничениями и серьезными заболеваниями, малоимущие. Для многих из них сходиться в МФЦ или в банк — это единственно возможная форма получения необходимой услуги. Для ряда категорий “цифра” должна не заменять, а скорее дополнять традиционный формат, до обеспечения полной доступности и инклюзивности госуслуг в цифровом виде у человека должно быть право выбора, в какой форме получать те или иные услуги — дистанционно или очно.

Пожилые люди сегодня особенно остро ощущают страх перед новыми технологиями и отсутствие цифровых компетенций. Доцент О.Г. Зубова, в контексте исследования цифровизации социального управления и социального контроля, говорит об изучении проблемы цифровизации и социального благополучия пожилых людей в современном российском обществе с точки зрения субъективного и объективного подходов²⁷. При активном развитии цифровых технологий в современном российском обществе одним из барьеров к дальнейшей цифровой трансформации выступает недостаточный уровень готовности отдельных социально-демографических групп населения к происходящим изменениям. Барьеры вовлечения пожилых людей в цифровое пространство способствуют формированию цифрового неравенства. «Образовавшийся “цифровой разрыв” предлагается комплексно рассматривать на трех уровнях: материальном (доступ к интернету и ИКТ), образовательном (цифровые компетенции и цифровая грамотность людей “третьего возраста”), социально-психологическом (особенности поколения “цифровых мигрантов”, их отношение к использованию цифровых технологий в повседневной жизни). Для того чтобы пожилые люди чувствовали себя естественно в цифровой среде, проявляли социальную активность и были способными к объективной оценке получаемой информации, необходимы не только усилия по развитию цифровых технологий, но и активное цифровое просвещение, повышение уровня их цифровой грамотности, а также изменение отношения к использованию цифровых технологий в повседневной жизни»²⁸.

Рассуждая о проникновении цифровых технологий в разные сферы жизни общества и алгоритмизации управленческих практик, нельзя не остановиться на наиболее чувствительных к таким про-

²⁷ Зубова О.Г. Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе // Социология. 2022. № 5. С. 55–64.

²⁸ Там же.

никновениям сферах — образовании и здравоохранении. Современная система российского образования функционирует в условиях существенных внешних и внутренних вызовов. Как отмечает заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, профессор Н.Г. Осипова, «внешние вызовы связаны с новыми геополитическими реалиями, которые существенно переопределили место нашей страны в системе международных отношений, трансформировали ее национально-государственные интересы и стратегические цели, вызвали значительные сдвиги в функционировании важнейших социальных институтов, одним из которых является высшее образование»²⁹. К внешним вызовам автор относит «выход из Болонской системы и переход на новую национальную модель высшего образования; изменение хозяйственной инфраструктуры России и рынка труда, что требует подготовки квалифицированных кадров, в первую очередь, для наукоемких отраслей производства и разработки «прорывных» промышленных технологий; цифровизацию коммуникационных процессов, включающих массивные информационные и, особенно, дезинформационные потоки, направленные на различные группы населения, и, особенно, на студенческую молодежь»³⁰.

Внутренние же вызовы связаны, например, с цифровизацией образовательного процесса и попытками внедрения, иногда довольно агрессивного, дистанционных образовательных технологий. Цифровизация сегодня становится средой функционирования различных институтов, в том числе, института образования. Внедрение цифровых информационно-коммуникативных технологий в сферу образования изначально подавалось как инструмент сокращения «бумажной» работы, освобождения времени преподавателей и администрации на другие важные виды деятельности. Но, как мы отмечали в своей совместной статье с сотрудниками кафедры экономической социологии и менеджмента С.А. Барковым и А.В. Маркеевой, цифровизация, например, в сфере высшего образования только увеличивает отчетную нагрузку вузов, не только заставляя дублировать отчеты (предоставлять их как в бумажной, так и электронной форме), но и дополнительно собирая для вышестоящих организаций данные по обеспеченности обучающихся компьютерами, по доступу

²⁹ Осипова Н.Г. Классическое университетское образование перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 7.

³⁰ Там же.

к электронным библиотечным системам, программному обеспечению и т.п. «На цифровизацию тратятся огромные деньги, но мало кто анализирует отдачу от них, тогда как отчетность увеличилась в разы. Компьютеры и Интернет долгое время резонно воспринимались как средства борьбы с бюрократией, по крайней мере с бумажной волокитой. Но инновационная бюрократия сумела и их поставить себе на службу: в школах, колледжах и университетах люди вынуждены заполнять сотни форм отчетности: преподаватели уже не столько занимаются своими непосредственными обязанностями, сколько заносят данные в сеть... бюрократия быстро освоилась в новых условиях и стала требовать все больше отчетов, якобы помогающих улучшить систему контроля. Здесь сработал исконный мотив бюрократа — он должен показывать, что у него очень много работы и поэтому он полезен обществу... Таким образом, увлечение инновационной бюрократии бесконечным структурированием образовательных процессов и “квантификацией” образовательной деятельности, игнорирование ее специфики объекта управления создают условия для множественных социальных дисфункций, снижения удовлетворенности преподавателей и студентов, уменьшения реальных, а не формальных результатов работы системы высшего образования»³¹.

Активное внедрение цифровых технологий в сферу здоровья открывает самые разные возможности для повышения эффективности оказания медицинской помощи населению и оптимизации управленческих практик в системе здравоохранения, но одновременно цифровизация и медиатизация сферы общественного и личного здоровья заставляет говорить о множестве рисков³². Доцент кафедры современной социологии А.В. Лядова в своей статье выделяет “несколько ключевых векторов исследовательского дискурса о цифровой медиатизации сферы здоровья”³³. Рассматривая процесс медиатизации на институциональном уровне отмечается цифровизация форм коммуникации в существующей модели взаимоотношений между врачом и пациентом и особенности конструирования новой; построение личного бренда врача в цифро-

³¹ Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 68–69.

³² См.: Лядова А.В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 53–71.

³³ Там же. С. 58.

вой среде; изучение дискурса о здоровье, создаваемого в цифровых медиа неинституциональными агентами (блогерами, инфлюенсерами). Также перспективным направлением изучения медиатизации сферы здоровья становится анализ воздействия новых медиа на конструирование социальных представлений и практик заботы о здоровье. Так, А.В. Лядова выделяет ряд особенностей конструирования представлений о здоровье в условиях влияния новых медиа: "...а) размывание традиционного восприятия здоровья и здорового образа жизни (формирование метрической модели здоровьесбережения и квантификации телесности в условиях развития цифрового селф-трекинга); б) плюрализм репрезентаций образа здоровья в цифровом медиaprостранстве; в) кастомизация практик здоровья; г) трансформация агентности, когда наряду с институциональными акторами-носителями экспертного знания значимую роль в конструировании здоровьесбережения играют и субъекты любительского медицинского дискурса"³⁴.

Говоря о трансформации управления в условиях цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта, нельзя обойти вниманием изменения в сфере осуществления социального контроля. Цифровые платформы сегодня являются не только важным экономическим актором, но и инстанцией социального контроля³⁵. Серьезными проблемами в условиях цифровизации современного общества становятся отсутствие этических стандартов в извлечении и использовании данных, нарушение приватности (цифровые следы делают пользователя "прозрачным" для платформы), а также безопасность предоставляемых данных. Ведя сетевую активность, индивид мало думает о том, как, кем и где предоставляемая им информация может быть использована. Цифровые платформы сегодня становятся новой инстанцией власти, средой для реализации системы цифрового контроля и субъектом манипулятивного воздействия. "При активном внедрении цифровых технологий во все сферы общественной жизни возникают опасения тотального контроля и оцифровки социального пространства. Цифровые информационно-коммуникативные технологии способствуют появлению возможности для осуществления тотального цифрово-

³⁴ Лядова А.В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 1. С. 64.

³⁵ Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1.

го контроля»³⁶. Основная задача технологических цифровых платформ — сделать так, чтобы пользователь терял счет времени, находился на платформе как можно дольше, оставляя цифровые следы, которые позволят манипулировать им в дальнейшем с помощью целенаправленного информационного воздействия (“пузырей фильтров”, эхо-камер и т.п.). «Современное медийное пространство ориентирует человека на жизнь “в состоянии потока”, погруженность в какое-то дело, когда сложно замечать все остальное. Технологические гиганты активно используют погруженность индивидов в потоковое состояние, чтобы завладеть их вниманием и получить хорошую прибыль. Цифровые платформы спроектированы так, чтобы пользователи испытывали состояние потока, теряли счет времени, оставляя все больше цифровых следов, на которых технологические гиганты и зарабатывают»³⁷. Цифровые следы с достаточно высокой достоверностью позволяют определить пол, возраст и даже черты личности пользователя, а такое знание о социально-демографических и психических особенностях фактически предоставляет “ключ” для манипулирования сознанием и поведением пользователя³⁸. Цифровые технологии открывают возможность для осуществления тотального цифрового контроля. Цифровая среда стала новым полем для применения социальных технологий управления поведением индивидов и формирования общественного мнения. Сегодня принципиально важно понимать акторов, получающих доступ к такому управлению и манипулированию, и осознавать цели и задачи такого воздействия. В условиях новых вызовов и в новой цифровой инфраструктуре такие социальные технологии управления общественными процессами могут приносить как пользу обществу, так и нести серьезную опасность, все зависит от того, в чьи “руки” такой инструмент попадет. “Социальный контроль выступает как форма социальной асимметрии. Открытым остается вопрос — кто имеет доступ к информации, генерируемой машинами контроля?»³⁹.

³⁶ Гавриленко О.В. Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”... С. 153.

³⁷ Гавриленко О.В. Эпоха “надзорного капитализма”: новые формы власти цифровых платформ и манипулирование пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 75.

³⁸ См.: *Монтаг К.* Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. М., 2023.

³⁹ Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 159.

Современное российское общество развивается в условиях внешних и внутренних вызовов, требующих трансформации управленческих практик и разработки новых социальных технологий. Цифровые информационно-коммуникативные технологии, цифровые платформы, технологии искусственного интеллекта, машинного обучения, технологии Четвертой промышленно-технологической революции заставляют переосмыслить содержание и формы реализации управленческой деятельности как на уровне государственного управления, так и на уровне менеджмента. Необходимость социокультурной и экономической модернизации российского общества, выбора собственного пути развития, с возвратом к национальной самобытности и традиционным ценностям, требует применения новых социальных технологий, которые были бы адекватны актуальным вызовам и не вызывали бы отторжения и сопротивления “объекта” управленческих воздействий. В связи с этим проблематика кафедры социальных технологий и разработка эффективных социальных технологий управления обществом становится всё более актуальной и практически востребованной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аузан А. Развитие и “колея” зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 96–105.

Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2017.

Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 58–72.

Викторов А.Ш. Социальные технологии как идеология элиты в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 130–135.

Гавриленко О.В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 77–94.

Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 145–163.

Гавриленко О.В. Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 145–165.

Гавриленко О.В. Современная российская деловая культура: “особый” путь развития или заимствование “чужих” управленческих практик? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 157–177.

Гавриленко О.В. Эпоха “надзорного капитализма”: новые формы власти цифровых платформ и манипулирование пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 74–79.

Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.

Дорцева Е.В., Родин Н.В. Деструктивное воздействие на современную российскую молодежь (на примере новых субъектов Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 65–88.

Зубова О.Г. Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе // Социология. 2022. № 5. С. 55–64.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011.

Карпова Н.В. Социокультурный анализ социально-политических систем: методологические основы исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 216–234. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-216-234>.

Курбанов А.Р. Социокультурное своеобразие России в восприятии иностранцев: опыт интерпретации ключевых нарративов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. науч. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023.

Лядова А.В. Медиатизация сферы здоровья под влиянием новых медиа: основные направления социологического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 53–71.

Маричев С. Проблема реализации социально-экономической модернизации России и “эффект колеи” // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 5–24.

Михайленко А.В., Устинова О.А., Дударева А.Е. Ценности глазами экспертов // Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: Коллект. науч. монограф. / Под ред. В.А. Фадеева, Т.А. Вархотова. М., 2023.

Монтаг К. Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. М., 2023.

Осипова Н.Г. Классическое университетское образование перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2. С. 7–31.

Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятулина Л.Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

REFERENCES

Auzan A. Razvitie i “koleya” zavisimosti [Development and “track” of addiction] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 61. N 10. S. 96–105 (in Russian).

Auzan A. Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn' [The economy of everything. How institutions shape our lives]. М., 2017 (in Russian).

Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Innovacionnaya byurokratiya v upravlenii vysshim obrazovaniem [Innovation bureaucracy in the higher education management] // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2024. T. 24. N 1. S. 58–72 (in Russian).

Dorceva E.V., Rodin N.V. Destruktivnoe vozdejstvie na sovremennuyu rossijskuyu molodezh' (na primere novyh sub"ektov Rossijskoj Federacii) [Features of the destructive impact on the youth of the new subjects of the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2023. T. 29. N 4. S. 65–88 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Social'nye tekhnologii kak issledovatel'skoe pole i instrument social'nyh preobrazovanij [Social technologies as research field and instrument of social transformations] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. T. 25. N 4. S. 77–94 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Cifrovye tekhnologii social'nogo kontrolya: perspektivy i social'nye posledstviya ih vnedreniya [Digital technologies of social control: prospects and social consequences of their implementation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2022. T. 28. N 1. S. 145–163 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Social'nye tekhnologii v epohu "nadzornogo kapitalizma": cifrovizaciya i vlast' algoritmov [Social technologies in the era of "supervisory capitalism": digitalization and the power of algorithms] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2023. T. 29. N 3. S. 145–165 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Sovremennaya rossijskaya delovaya kul'tura: "osobyj" put' razvitiya ili zaimstvovanie "chuzhih" upravlencheskih praktik? [Modern russian business culture: "special" path of development or borrowing "other people's" management practices?] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 2. S. 157–177 (in Russian).

Gavrilenko O.V. Epoha "nadzornogo kapitalizma": novye formy vlasti cifrovyy platform i manipulirovanie pol'zovatelyami [The Era of "Surveillance Capitalism": New Forms of Digital Platform Power and User Manipulation] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2024. N 3. S. 74–79 (in Russian).

Grinfeld A. Radikal'nye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni [Radical Technologies: The Design of Everyday Life]. M., 2018 (in Russian).

Inglhart R., Vel'cel' K. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. M., 2011 (in Russian).

Karpova N.V. Sociokul'turnyj analiz social'no-politicheskikh sistem: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Sociocultural analysis of socio-political systems: methodological foundations of the study] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. T. 27. N 4. S. 216–234. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-216-234> (in Russian).

Kurbanov A.R. Sociokul'turnoe svoeobrazie Rossii v vospriyatii ino-strancev: opyt interpretacii klyuchevyyh narrativov [Sociocultural uniqueness of Russia in the perception of foreigners: experience in the interpretation of key narratives] // Cennostno-smyslovye i intellektual'nye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyah global'nyh vyzovov: Kollekt. nauch. monograf. / Pod red. V.A. Fadeeva, T.A. Varhotova. M., 2023 (in Russian).

Lyadova A.V. Mediatizaciya sfery zdorov'ya pod vliyaniem novyyh media: osnovnye napravleniya sociologicheskogo diskursa [Mediatization of youth health in the age of new media: the main trends in sociological discourse] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 2. S. 53–71 (in Russian).

Marichev S. Problema realizacii social'no-ekonomicheskoy modernizacii Rossii i "effekt kolei" // Obshchestvo i ekonomika. 2020. N 6. S. 5–24 (in Russian).

Mihajlenko A.V., Ustinova O.A., Dudareva A.E. Cennosti glazami ekspertov [Values through the eyes of experts] // Cennostno-smyslovye i intellektual'nye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyah global'nyh vyzovov: Kollekt. nauch. monograf. / Pod red. V.A. Fadeeva, T.A. Varhotova. M., 2023 (in Russian).

Montag K. Novye bogi. Kak onlajn-platformy manipuliruyut nashim vyborom i chto vernet nam svobodu [The New Gods. How online platforms manipulate our choices and what will give us our freedom back]. M., 2023 (in Russian).

Osipova N.G. Klassicheskoe universitetskoe obrazovanie pred vyzovami sovremennosti [Classical university education facing the challenges of modernity] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. T. 30. N 2. S. 7–31 (in Russian).

Shtompka P. Sociologiya social'nyh izmenenij [The Sociology of Social Change]. M., 1996 (in Russian).

Styrin E.M., Dmitrieva N.E., Sinyatullina L.H. Gosudarstvennye cifrovye platformy: ot koncepta k realizacii [Government Digital Platform: From Concept to Implementation] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2019. N 4. S. 31–60 (in Russian).

Viktorov A.Sh. Social'nye tekhnologii kak ideologiya elity v sovremennom obshchestve [Social Technologies as an Ideology of the Elite in Modern Society] // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2023. N 9. S. 130–135 (in Russian).

Zubova O.G. Cifrovizaciya i kachestvo zhizni pozhihlyh lyudej v sovremennom rossijskom obshchestve [Digitalization and quality of life of the elderly in modern Russian society] // Sociologiya. 2022. N 5. S. 55–64 (in Russian).